

M 69.

P32577

Georgi Stankov

С Е Р Г Е Й М И Х А Л К О В

Д Л Я Б О Л Ь Ш И Х
И
Д Л Я М А Л Е Н Ь К И Х

О Г И З

Государственное издательство художественной литературы

Москва 1944

СТАЛИН

*Где бы мы свой самолёт ни вели,
Где бы ни плыли и где бы ни шли,
Где бы ни строили мы города —
Имя заветное
С нами всегда!*

*Если ты песню о счастье поёшь,
Если по трудной дороге идёшь, —
Знай, ты идёшь не один, а вдвоём:
Имя заветное —
В сердце твоём!*

*Если ты ранен в жестоком бою,
Если ушибели ты на краю, —
Рану зажми. Слёзы утри.
Имя заветное
Вслух повтори.
Воздухом синим, течением рек
Помощь пришлёт тебе тот человек!*

*Если за подвиг, за доблесть в бою
Орденом грудь украшают твою, —
Знай, что в пожатиях тысячи рук
Руку вождя ты почувствуешь вдруг.*

В ТОМ КРАЮ, ГДЕ ТЫ ЖИВЁШЬ

БЫЛЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Эту быль пишу я детям,

*

Летней ночью, на рассвете,
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских,
Это значит против нас.

Он хотел людей свободных
Превратить в рабов голодных,
Навсегда лишить всего,
А упорных и оставших,
На колени не упавших
Истребить до одного!

Чтоб хозяйничали всюду
Гансы, Францы и Гертруды,
Остальных — на скотный двор!
Чтобы братья, сёстры наши —
Вани, Миши, Пети, Маши —
Жили в рабстве с этих пор.

Он всел, чтоб разгромили.
Растоптали и сожгли
Всё, что дружно мы хранили,
Пуще глаза берегли.

Чтобы мы нужду терпели,
Наших песен петь не смели
Возле дома своего,

Чтобы было всё для немцев,
Для фашистов-иноземцев,
А для русских и для прочих,
Для крестьян и для рабочих —
Ничего!

*

Нет! — сказали мы фашистам.
Не потерпит наш народ,
Чтобы русский хлеб душистый
Назывался словом «брот».

Мы живём в стране советской,
Признаём язык турецкий,
Итальянский, датский, шведский
И японский признаём,
И английский, и французский.
Но в родном краю по-русски
Пишем, думаем, поём.

Мы тогда лишь вольно дышим,
Если речь родную слышим,
Речь на русском языке,
И в своей столице древней,
И в посёлке, и в деревне,
И от дома вдалеке.

Где найдётся в мире сила,
Чтобы нас она сломила,
Под ярмом согнула нас,
В тех краях, где в дни победы
Наши прадеды и деды
Цировали много раз!

Видно, немцы позабыли,
Сколько раз мы немцев били,
Позабыли — как и где, —
Что вступили в бой кровавый
С нашей вольною Державой,
В бой на суше и воде.

*

И от моря и до моря
Поднялись большевики,
И от моря и до моря
Встали русские полки.

Встали, с русскими едины,
Белоруссы, латыши,
Люди вольной Украинны,
И казахи, и грузины,
Молдаване, чувашаи —
Все советские народы
Против общего врага,
Все, кому мила свобода
И Россия дорога!

И когда Россия встала
Против немца в грозный час, —
«Всё — на фронт!» — Москва сказала,
«Отдадим!» — сказал Кузбасс.

«Никогда, — сказали горы, —
Не бывал Урал в долгу!» —
«Хватит нефти для моторов.
Помогу!» — сказал Баку.

«Я богатствами владею,
Их не счесть, хоть век считай!
Ничего не пожалею!» —
Так откликнулся Алтай.

«Мы оставшихся без крова
В дом к себе принять готовы,
Будет кров сиротам дан!» —
Обездоленных встречая,
Казахстану отвечая,
Поклялся Узбекистан.

«Будет каждый верный воин
И накормлен и напоен,
Всей страной обут, одет». —
«Всё — на фронт!» — Москва сказала,
«Всё! — страна ей отвечала. —
Всё — для будущих побед!»

•

Не расскажешь в детской сказке
Ни словами, ни пером,
Как летели с немцев каски
Под Москвой и под Орлом.

Как, на немцев наступая,
Бились красные бойцы —
Наша армия родная,
Наши братья и отцы.

Как сражались партизаны,
Как стояли, как стоят
И залечивают раны
Босвые великаны —
Ленинград и Сталинград.

Не опишешь в этой были
Всех боёв, какие были,
Что сейчас ещё идут
На земле и над землёю,
На воде и под водою.
Немцев бьют и там и тут,
Как пбили, так — салют!

Из Москвы салюты эти
Всем слышны на белом свете —
Слышит друг, и слышит враг.
Потому что значит это —
Над какой-то крышей, где-то
Снова взвился красный флаг.

*

Всё, что вечно было нашим,
Мы назад себе вернём!
Мы поля опять запашем
И засеём их зерном!
Мы вернём себе назад
Каждый дом и каждый сад,
Каждый кустик на дороге,
Над которым выл снаряд.

Зарастут травой траншеи.
На местах бывых боёв,
С каждым годом хорошея,
Встанут сотни городов.

И не будет затмненья,
И вперёд на много лет
Людам только для леченья
Будет нужен синий свет.

Мы в музей поставим знамя,
Что вело в последний бой.
Эти дни не за горами, —
Их дождёмся мы с тобой!

И в хорошие минуты
Вспомнишь ты и вспомню я,
Как от вражьих полчищ лютых
Очищали мы края,
Наши радости, печали,
Наших близких и родных —
Провожали их, встречали,
Ждали весточки от них.
Вспомним всё: как мы дружили,
Как пожары мы тушили,
Как у нашего крыльца
Молоком парным поили
Поседевшего от пыли
Утомлённого бойца.

Не забудем тех героев,
Что лежат в земле сырой,
Жизнь отдав на поле боя
За народ — за нас с тобой...

*

Кто сегодня неизвестен,
Но бесстрашен, смел и честен,
Тот, кто любит свой народ
И за Сталиным идёт,
Кто хоть что-то делать может, —
Тот стране своей поможет
В том краю, где он живёт!

КАРТА

Вторые сутки город был в огне,
Нещадно день и ночь его бомбили.
Осталась в школе карта на стене,
Ушли ребята. Снять её забыли.

И сквозь окно врывался ветер к ней,
И зарево пожаров освещало
Просторы плоскогорий и морей,
Вершины гор Кавказа и Урала.

На третьи сутки, в предрассветный час,
По половицам тяжело ступая,
Вошёл боец в пустой, холодный класс.
Он долгим взглядом воспалённых глаз
Смотрел на карту, что-то вспоминая.

И вдруг, решив, он снял её с гвоздей
И, вчетверо сложив, унёс куда-то,
Изображенье Родины своей
Спасая от немецкого солдата.

Случилось это памятной зимой
В разрушенном, пылающем районе,
В тот грозный год, для немцев — роковой,
Когда бойцы под самую Москвой
В незыблемой стояли обороне.

Шёл день за днём, как шёл за боем бой.
И тот боец, что карту взял с собою,
Свою судьбу связал с её судьбой,
Не расставаясь с ней на поле боя.

А, становясь на отдых, на привал,
Он, расстегнув крючки своей шинели,
В кругу друзей ту карту раскрывал,
И молча на неё бойцы смотрели.

И каждый узнавал свой край родной,
Искал свой дом: Казань, Рязань, Калугу,
Один — Баку, Алма-Ата — другой.
И так склонившись над своей страной,
Хранить её клялись они друг другу.

От немцев очищая города,
Освобождая из-под ига сёла.
Боец с боями вновь пришёл туда,
Где карту он когда-то брал из школы.

И на урок лившись, как-то раз
Один парнишка положил на парту
Откуда-то вернувшуюся в класс
Помятую, потрепанную карту.

Она осколком прорвана была
От города Орла до Приднестровья,
И пятнышко темнело у Орла,
И было то — красноармейской кровью.

И место ей нашли ученики,
Чтоб каждый день с весёлым нетерпеньем,
Переставляя красные флажки,
Итти вперёд, на Запад, в наступленье.

Г Р А Н И Ц А

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Вставал над озером рассвет,
И пулемёт затих.
Мы видим — лейтенанта нет
Среди бойцов живых.

И молча головы склонил
Наш пулемётный взвод.
Ещё вчера он с нами был
И пел и вёл вперёд.

Его в строю сегодня нет.
Мы бережно храним
Штыком проколотый билет, —
Он шёл в атаку с ним.

Наш лейтенант носил его
У сердца своего.

В МУЗЕЕ С. М. КИРОВА

Мы молча входим в этот дом,
Где всё нам говорит о нём.

Здесь под стеклом лежат предметы
С его рабочего стола.
Была простая ручка эта
Теплом его руки согрета.
Вот эти номера газеты
Рука Мироныча брала.

Мы бережно идём по залам.
Как ясен путь большевика!
Вот речь, которую сказал он,
Письмо, которое послал он
На имя Ленина в Цэка.

Мы видим Кирова живого
В горячих строках телеграмм...
Как ясен путь его и прям!
Учись у сталинца тако о!

Мы видим трауром одетый,
Осиротевший Ленинград
Рисунки детские об этом
С недетской скорбью гозорят.

Мы смотрим на рисунки эти,—
Цветной, наизный карандаш!
Его держали наши дети,
Они писали: «Киров — наш!»

Опять приходит всё на память:
Зима. И на исходе год.
Мороз. И Сталин вместе с нами
В почётный караул встаёт.

Мы покидаем этот дом,
Где всё нам говорит о нём,
Но где не уместить всего,
Что с жизнью связано его.

КРАСНОАРМЕЕЦ ПЕТРОВ

Белой сирени
Большую корзину
Бережно вынесли
Из магазина.

Веткой душистой
Людей задевая,
Сняли корзину
С площадки трамвая.

В двери войдя,
Пронесли по палате,
На пол поставили
Возле кровати.

Утром сказали,
Что будет здоров
Красноармеец
Товарищ Петров.

Утром в контору
Колхозной больницы
Первая почта
Приходит с границы.

Пишут колхозники
И пограничники,
Пишут из школы
Ребята-отличники:

«Принял в атаке
Удар штыковой
Нашей заставы
Боец рядовой.

Он умирал,
Отдавая отчизне
Всё, до последней кровинки,
До жизни.

Будет ли раненый
Снова здоров
Красноармеец
Товарищ Петров?»

«Будет! —
Хирург отвечает уверенно. —
Мы восстановим,
Что было потеряно.

Мы на дежурстве
И ночью и днём,
Мы его родине нашей
Вернём.

Всем передайте:
Будет здоров
Красноармеец
Товарищ Петров».

Праздник сегодня
В колхозной больнице,
Всюду цветы
И весёлые лица.

Это колхозники
И пограничники,
Это из школы
Ребята-отличники.

Двери навстречу
Гостям открываются —
В этой палате
Боец поправляется,

Письма диктует —
Несколько слов:
«Жив и здоров.
Пограничник Петров».

ТРИ ТОВАРИЩА

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн.
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен.

Стали допрашивать первого,
Долго пытали его, —
Умер товарищ замученный
И не сказал ничего.

Стали второго допрашивать,
Пыток не вынес второй, —
Умер, ни слова не вымолвив,
Как настоящий герой. — —

Третий товарищ не вытерпел,
Третий — язык развязал:
— Не о чём нам разговаривать! —
Он перед смертью сказал.

Их закопали за городом,
Возле разрушенных стен.
Вот как погибли товарищи
В маленьком городе Эн.

В Р А Г

Он, как хозяин, в дом входил,
Садился, где хотел,
Он вместе с нами ел и пил
И наши песни пел.

И нашим девушкам дарил
Улыбку и цветы,
И он со всеми говорил,
Как старый друг, на «ты»:

«Прочти. Поведай. Расскажи.
Возьми меня с собой.
Дай посмотреть на чертсжи.
Мечты свои открой».

Он рядом с нами ночевал,
И он, как вор, скрывал,
Что наши ящики вскрывал
И снова закрывал.

И в наши шахты в тот же год
Врывалась вдруг вода,
Горел химический завод,
Горели провода.

А он терялся и дрожал
И на пожар бежал,
И рядом с нами он стоял
И шланг в руках держал.

Но мы расставили посты,
Нашли за следом след.
И мы спросили:
«Это ты?»
И мы сказали:
«Это ты!»
И он ответил: «Нет!»

«Гляди, и здесь твои следы, —
Сказали мы тогда, —
Ты умертвить хотел сады,
Пески оставить без воды,
Без хлеба — города!
Ты в нашу честную семью
Прополз гадюкой злой,
Ты предал родину свою.
Мы видим ненависть твою,
Фашистский облик твой!

Ты будешь стёрт с лица земли,
Чтоб мы спокойно жить могли!»

Г Р А Н И Ц А

В глухую ночь,
В холодный мрак
Посланцем белых банд
Переходил границу враг —
Шпион и диверсант.

Он полз ужом на животе,
Он раздвигал кусты,
Он шёл на ощупь в темноте
И обошёл посты.

По свежавыпавшей росе,
Некошеной травой
Он вышел утром на шоссе
Тропинкой полевой.

И в тот же самый ранний час
Из ближнего села
Учиться в школу, в пятый класс,
Друзей ватага шла.

Шли десять мальчиков гуськом
По утренней росе,
И каждый был учеником
И ворошиловским стрелком,
И жили рядом все.

Они спешили на урок,
Но тут случилось так:
На перекрёстке двух дорог
Им повстречался враг.

— Я сбился, кажется, с пути
И не туда свернул! —
Никто из наших десяти
И глазом не моргнул.

— Я вам дорогу покажу! —
Сказал тогда один.
Другой сказал: — Я провожу.
Пойдёмте, гражданин.

Сидит начальник молодой,
Стоит в дверях конвой,
И человек стоит чужой, —
Мы знаем, кто такой.

Есть в пограничной полосе
Неписанный закон:
Мы знаем всё, мы знаем всех,
Кто я, кто ты, кто он.

НАШИМ ДЕТЯМ

НАШИ ДЕТИ

Час бывает на рассвете
Самой лучшей тишины.
В это время нашим детям
Непреренно снятся сны.

Сны идут, едва ступая,
Входят в дом по одному.
На своём коне Чапаев
Снится сыну моему.

Облака летят над школой —
С каждым облаком светлей.
Самолёты, ледоколы
Снятся дочери твоей.

Ветер снится ей солёный,
Путь под ветром ледяной,
Снятся красные знамёна,
Потому что сон — цветной.

Сны идут в тени кварталов,
Проверяют, все ли спят.
В это время лётчик Чкалов
Снится тысячам ребят.

Впереди друзей крылатых
Он летит по вышине,

И счастливые ребята
Улыбаются во сне.

Звёзды меркнут на рассвете
И уходят в синеву.
Крепко спят в квартирах дети,
Потому что наши дети
Всех счастливей наяву.

С В Е Т Л А Н А

Ты не спишь,
Подушка смята,
Одеяло навесу...
Носит ветер запах мяты,
Звёзды падают в росу.
На берёзах спят синицы,
А во ржи перепела...

Почему тебе не спится,
Ты же сонная легла?

Ты же выросла большая,
Не боишься темноты...
Может, звёзды спать мешают?
Может, вынести цветы?

Под кустом лежит зайчиха,
Спать и мы с тобой должны.
Друг за дружкой
Тихо, тихо
По квартирам ходят сны.

Где-то плещут океаны,
Спят медузы на волне.
В зоопарке пеликаны
Видят Африку во сне.
Черепаша рядом дремлет,
Слон стоит, закрыв глаза;
Снятся им родные земли
И над землями гроза.
Ветры к югу повернули,

В переулках — ни души.
Сонно на реке Амуре
Шевельнулись камыши,
Тонкие качнулись травы.
Лес, как вкопанный, стоит...

У далёкой
У заставы
Часовой в лесу не спит.

Он стоит,
Над ним зарницы,
Он глядит на облака:
Над его ружьём границу
Переходят облака.
На зверсей они похожи,
Только их нельзя поймать...

Спи. Тебя не потревожат.
Ты спокойно можешь спать.

Я тебя будить не стану:
Ты до утренней зари
В тёмной комнате,
Светлана,
Сны весёлые смотри.

От больших дорог усталый,
Тёплый ветер лёг в степи.
Накрывайся одеялом,
Спи...

М О Й Д Р У Г

В Казани он — татарин,
В Алма-Ате — казах,
В Полтаве — украинец
И осетин в горах.

Он в тундре — на оленях,
В степи — на скакуне,
Он ездит на машинах,
Он ходит по стране.

Живёт он в каждом доме,
В кибитке и в избе,
Ко мне приходит в гости,
Является к тебе.

Он с компасом в кармане
И с глобусом в руках,
С линейкою подмышкой,
Со змеем в облаках.

Он летом — на качелях,
Зимою — на коньках.
Он ходит на ходулях
И может на руках.

Он ловко удит рыбу
И в море и в реке,
В Балтийском и в Каспийском,
В Амуре и в Оке.

Он лётчик-испытатель
Стремительных стрекоз.
Он физик и ботаник,
Механик и матрос.

Он честен и бесстрашен
На суше и воде —
Товарища и друга
Не бросит он в беде.

В трамвай войдёт калека,
Старик войдёт в вагон —
И старцу и калек
Уступит место он.

Он гнёзд не разоряет,
Не курит и не врёт,
Не виснет на подножках,
Чужого не берёт.

Он красный галстук носит
Ребятам всем в пример.
Он — девочка, он — мальчик,
Он — юный пионер!

ВЕСЁЛЫЙ ТУРИСТ

Крутыми тропинками в горы,
Вдоль быстрых и медленных рек,
Минуя большие озёра,
Весёлый шагал человек.

Четырнадцать лет ему было,
И нёс он дорожный мешок,
А в нём полотенце и мыло
Да белый зубной порошок.

Он встретить в пути не боялся
Ни змѣй, ни быков, ни собак,
А если встречал, то смеялся
И сам приговаривал так:

— Я вышел из комнаты тесной,
И весело дышится мне.
Куда я иду — неизвестно.
Всё видеть, всё знать интересно,
И вот я хожу по стране.

Он шёл без ружья и без палки
Высокой зелёной травой.
Летали кукушки да галки
Над самой его головой.

И даже быки-забияки
Мычали по-дружески: «М-му!»
И даже цепные собаки
Виляли хвостами ему.

Он шёл по тропам и дорогам,
Волков и медведей встречал,
Но зверь человека не трогал,
А издали только рычал.

Он слышал и зверя и птицу,
В колючие лазил кусты.
Он трогал руками пшеницу,
Чудесные нюхал цветы.

И туча над ним вместо крыши,
А вместо будильника — гром.
И всё, что он видел и слышал,
В тетрадку записывал он.

А чтобы ещё интересней
И легче казалось итти,
Он пел, и весёлая песня
Ему помогала в пути.

И окна в домах открывали,
Услышав — он мимо идёт,
И люди ему подпевали
В квартирах, садах, у ворот.

И весело хлопали дверью
И вдруг покидали свой дом.
И самые хищные звери
Им были в пути нипочём.

Шли люди, и было их много,
И не было людям числа.
За ними по разным дорогам
Короткая песенка шла:

«Нам путь незнакомый не страшен,
Мы смело пройдем ледники.
С весёлою песенкой нашей
Любые подъёмы легки».

И я эту песню услышал,
Приятеля голос узнал,
Без шапки на улицу вышел
И песенку эту догнал.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Я познакомить с ним могу —
Он целый день на берегу.

Мы к морю спустимся с тобой
Знакомой мне тропой,
И мы сойдём на край земли
Шершавый и рябой.

Ты смело на берег ступи
И за скалу зайди!
Четыре шляпки на цепи
Увидишь впереди!

Четыре шляпки на цепи —
Смотри, ногой не зацепи!

Кто он, моряк или рыбак?
Все говорят, он грек!
Он и рыбак,
Он и моряк,
Быть может, грек,
И просто так —
Хороший человек.

Ты обещаешь ничего
Не спрашивать его,
Не лезть к сетям и парусам,
Ко всем другим снастям.
Он всё тебе покажет сам,
Он всё тебе расскажет сам,
Как всем своим гостям.

А что он может показать?
Он может показать,
Как два конца каната взять,
Морским узлом связать!
Как ловят крабов между скал,
Которых ты искал,
И как в воде держать весло,
Чтобы в Стамбул не унесло!

Он спустит шляпку на волну,
Из четырёх одну,
И только крикнет: «Эй, смотри,
Воды не набери!
Ровней сиди, правей бери,
Под солнцем не сгори!»

А если шляпку унесёт
И ты хлебнёшь воды,
И если он тебя спасёт —
Двухсотым будешь ты!

Сто девяносто девять раз
Он говорил: «Ну вот,
Какое дело! Спас, так спас!
И человек живёт!»

Постой! Мне кажется, сейчас
Он сам сюда идёт.
К нему я первый подойду,
А ты уже за мной..
Ты слышишь, как у нас в саду
Запахло вдруг волной?

ПРО СОМА

С. С. Прокофьеву

Широка и глубока
Под мостом текла река.
Под корягой,
Под мостом
Жил в реке усатый сом.

Он лежал на дне
Часами,
Шевелил во сне
Усами.

А на берегу реки
Жили-были рыбаки.
В дождь и в солнечные дни
Сети ставили они.

И спросонья
На рассвете
Заходила рыба в сети.
Попадался карп горбатый,
Попадался — пропадал.

Только сом,
Большой,
Усатый,
Никогда не попадал.

Он лежал,
И, кроме ила,
Кроме всяческой еды,

Над его корягой было
Метров пять речной воды.

Говорит один рыбак:
— Не поймать сома никак.
Или снасти не крепки?
Или мы не рыбаки?
Неужели в этот раз
Он опять уйдёт от нас?

За рекой стада мычат,
Пстуки к дождю кричат.
Сеть лежит на берегу,
Из неё усы торчат.

Говорит один рыбак:
— Ну, поймали кое-как. —
Шевельнув сома ногой:
— Не уйдёт, — сказал другой.

Но свернулся колесом
И хвостом ударил сом.
Вспомнил речку голубую,
Вспомнил рыбку молодую
Да корягу под мостом —
И ушёл.

П Ё С

Пёс лопухий у пекаря жил.
Двор, кладовую и дом сторожил.
Летом под грушей валялся в тени,
Прятался в будку в дождливые дни.
Даже соседям хвостом не вилял,
Редко погладить себя позволял.
Лаял тревожно на скрип и на стук,
Хлеба не брал у прохожих из рук.

Пекарь в избе под периной лежит —
Пёс под окном его сон сторожит.
Пекарь проснулся, в пекарню идёт —
Пёс провожает его до ворот.
Пекарь пришёл через восемь часов,
В белой муке от сапог до усов, —
Пес на пороге, хозяину рад.
— Что за собака! — кругом говорят.

Только однажды был день выходной,
Пекарь, шатаясь, вернулся домой.
Пес на крыльце ему руку лизнул —
Пекарь его сапогом оттолкнул.
Пёс шевельнул добродушно хвостом —
Пекарь на пса замахнулся шестом.
Пекарь бутылкой в него запустил —
Этого пекарю пёс не простил...

Пекарь в пекарне стоит у печи,
Песни поёт и печёт калачи

И, над котлом поднимая лоток,
Сыплет баранки в крутой кипяток.
В доме у пекаря шарят в углах,
Воры посуду выносят в узах
И говорят: — Повезло в этот раз!
Что ва собака? Не лает на нас...

Ч У Д А К

На рынке корову чужак продавал,
Никто за корову цены не давал.
Хоть многим была коровёнка нужна,
Но, видно, не нравилась людям она.

— Хозяин, продашь нам корову свою?
— Продам. Я с утра с ней на рынке стою!..

— Не много ли просишь, старик, за неё?
— Да где наживаться! Вернуть бы своё!..

— Уж больно твоя коровёнка худая!
— Болеет проклятая. Прямо беда!..

— А много ль корова даёт молока?
— Да мы молока не видали пока...

Весь день на базаре чужак торговал,
Никто за корову цены не давал.
Один паренёк пожалел старика:
— Папаша, рука у тебя не легка!

Я возле коровы твоей постою,
Авось, продадим мы скотину твою!

Идёт покупатель с тугим кошельком,
И вот уж торгуется он с пареньком:

— Корову продашь?
— Покупай, коль богат!
Корова, гляди, не корова, а клад!..

— Да так ли? Уж выглядит больно худой!

— Не очень жирна, да хороший удой!..

— А много ль корова даёт молока?

— Не выдоишь за день. Устанет рука...

Чудак посмотрел на корову свою:

— Зачем я, Бурёнка, тебя продаю?

Корову свою не продам никому,
Такая корова нужна самому!

МЫ С ПРИЯТЕЛЕМ

Николю Ильинскому

Мы с приятелем вдвоём
Замечательно живём!
Мы такие с ним друзья, —
Куда он,
Туда и я!

Мы имеем по карманам:
Две резинки,
Два крючка,
Две больших стеклянных пробки,
Двух жуков в одной коробке,
Два тяжёлых пяточка.

Мы живём в одной квартире,
Все соседи знают нас.
Только мне звонить — четыре,
А ему — двенадцать раз.

И живут в квартире с нами
Два ужа
И два ежа,
Целый день поют над нами
Два приятеля чижа.

И про наших
Двух ужей,
Двух ежей
И двух чижей
Знают в нашем новом доме
Все двенадцать этажей.

Мы с приятелем вдвоём
Просыпаемся,
Встаём,
Открываем настежь двери,
В школу с книжками бежим...

И гуляют наши звери
По квартирам
По чужим.

Забираются ужи
К инженерам в чертежи.
Управдом в постель ложится
И встаёт с неё дрожа:
На подушке не ложится —
Под подушкой два ежа!

Раньше всех чижи встают
И до вечера поют.
Дворник радио включает —
Птицы слушать не дают!

Тащат в шапках инженеры
К управдому
Двух ужей,
А навстречу инженерам
Управдом несёт ежей.

Пишет жалобу сосед:
«Никому покою нет!
Зоопарк отсюда близко.

Предлагаю: всех зверей
Сдать юннатам под расписку
По возможности скорей».

Мы вернулись из кино.
Дома пусто и темно.
Зажигаются огни.
Мы ложимся спать одни.

Еж колючий,
Уж ползучий,
Чиж певучий —
Где они?

Мы с приятелем вдвоём
Просыпаемся,
Встаем,
По дороге к зоопарку
Не смеемся, не поём.

Неужели зоосад
Не вернёт зверей назад?

Мы проходим мимо клеток,
Мимо строгих сторожей.
Сто чижей слетают с веток,
Выбегают сто ежей.

Только разве отличишь,
Где какой летает чиж?
Только разве разберёшь,
Где какой свернулся ёж?

Сто ужей на двух ребят
Подозрительно глядят.
Сто чижей кругом поют,
Сто чижей зерно клюют.
Наши птицы, наши звери
Нас уже не узнают.

Солнце село.
Поздний час.
Сторожа выводят нас.

— Не пора ли нам домой? —
Говорит приятель мой.

Мы такие с ним друзья, —
Куда он,
Туда и я!

О Д Н А Р И Ф М А

Шёл трамвай десятый номер
По бульварному кольцу.
В нём сидело и стояло
Сто пятнадцать человек.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Пионеру Николаю
Ехать очень хорошо.

Он сидит на лучшем месте —
Возле самого окна.
У него коньки подмышкой:
Он собрался на каток.

Вдруг на пятой остановке,
Опираясь на клюку,
Бабка дряхлая влезает
В переполненный вагон.

Люди входят и выходят
Продвигаются вперёд.
Николай сидит скучает,
Бабка рядышком стоит

Вот вагон остановился
Возле самого катка,
И из этого вагона
Вылезает пионер.

На свободное местечко
Захотелось бабке сесть,
Оглянуться не успела —
Место занято другим.

Пионеру Валентину
Ехать очень хорошо,
Он сидит на лучшем месте,
Возвращается с катка.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперед.
Валентин сидит скучает,
Бабка рядышком стоит.

Этот случай про старушку
Можно дальше продолжать,
Но давайте скажем дружно:
— Старость нужно уважать.

Ф О М А

В одном переулке
Стояли дома.
В одном из домов
Жил упрямый Фома.

Ни дома, ни в школе,
Нигде, никому —
Не верил
Упрямый Фома
Ничему.

На улицах слякоть,
И дождик,
И град.
— Наденьте калоши, —
Ему говорят.

— Неправда, —
Не верит Фома, —
Это ложь... —
И прямо по лужам
Идёт без калош.

Мороз.
Надевают ребята коньки.
Прохожие подняли воретники.
Фоме говорят:
— Наступила зима. —
В трусах
На прогулку выходит Фома.

Идёт в зоопарке
С экскурсией он.
— Смотрите, — ему говорят, —
Это слон. —
И снова не верит Фома:
— Это ложь.
Совсем этот слон
На слона не похож.

Однажды
Приснился упрямому сон,
Как будто
Шагает по Африке он.
С небес
Африканское солнце печёт,
Река, под названием Конго,
Течёт.

Подходит к реке
Пионерский отряд.
Ребята Фоме
У реки говорят:
— Купаться нельзя:
Аллигаторов тьма.
— Неправда, —
Друзьям отвечает
Фома,
Трусы и рубашка
Лежат на песке.
Упрямец плывёт
По опасной реке.

Близка
Аллигатора хищная
Пасть.
— Спасайся,
Несчастный,
Ты можешь
Пропасть! —
Но слышен
Ребятам
Знакомый ответ:
— Прошу не учить,
Мне одиннадцать лет!

Уже крокодил
У Фомы за спиной,
Уже крокодил
Поперхнулся Фомой:
Из пасти у зверя
Торчит голова.
До берега
Ветер доносит слова:
— Непра...
Я не ве...

Аллигатор вздохнул
И, сытый,
В зелёную воду нырнул.

Трусы и рубашка
Лежат на песке.
Никто не плавёт
По опасной реке.

Проснулся Фома,
Ничего не поймёт,
Трусы и рубашку
Со стула берёт.

Фома удивлён,
Фома возмущён:
— Неправда, товарищи,
Это не сон.

Ребята,
Найдите такого Фому
И эти стихи
Прочитайте ему.

В С А Д Н И К

Я приехал на Кавказ,
Сел на лошадь в первый раз.

Люди вышли на крылечко,
Люди смотрят из окна, —
Я схватился за уздечку,
Ноги сунул в стремяна.

Отойдите от коня
И не бойтесь за меня!

Мне навстречу гонят стадо,
Овцы блеют,
Бык мычит.
— Уступать дорогу надо! —
Пастушонок мне кричит.

Уши врозь, дугою ноги,
Лошадь встала на дороге.
Я тяну её направо,
Лошадь пятится в канаву.

Я галопом не хочу,
Но приходится —
Скачу.

А она раскована,
На ней скакать рискованно.

Доскакали до ворот,
Встали задом наперёд.

— Он же ездить не умеет?—
Удивляется народ. —
Лошадь сбросит седока,
Хвастуна и чудака.

— Отойдите от коня
И не бойтесь за меня!

По дороге в тучах пыли
Мне навстречу две арбы.
Лошадь в пене,
Лошадь в мыле,
Лошадь встала на дыбы.

Мне с арбы кричат: — Чудак,
Ты слетишь в канаву так!

Я в канаву не хочу,
Но приходится —
Лечу.
Не схватился я за гриву,
А схватился за крапиву.

— Отойдите от меня,
Я не сяду больше на эту лошадь!

ПРО МИМОЗУ

Это кто накрыт в кровати
Одеялами на вате?
Кто лежит на трёх подушках
Перед столиком с едой
И, одевшись еле-еле,
Не убрав своей постели,
Осторожно моет щёки
Кипячёною водой?

Это, верно, дряхлый дед
Ста четырнадцати лет?
Нет.

Кто, набив пирожным рот,
Говорит: — А где компот?
Дайте то,
Подайте это,
Сделайте наоборот!

Это, верно, инвалид
Говорит?
Нет.

Кто же это?
Почему
Тащат валенки ему,
Меховые рукавицы,
Чтобы мог он руки греть,

Чтоб не мог он простудиться
И от гриппа умереть,

Если солнце светит с неба,
Если снег полгода не был?

Может, он на полюс едет,
Где во льдах живут медведи?
Нет.

Хорошенько посмотрите —
Это просто мальчик Витя,
Мамин Витя,
Папин Витя
Из квартиры номер шесть.
Это он лежит в кровати
С одеялами на вате,
Кроме плюшек и пирожных,
Ничего не хочет есть.

Почему?
А потому,
Что только он глаза откроет —
Ставят градусник ему,
Обувают,
Одевают
И всегда, в любом часу,
Что попросит — всё иссут.

Если утром крепок сон —
Целый день в кровати он.
Если в тучах небосклон —
Целый день в калошах он.
Почему?

А потому,
Что все прощается ему.
И живёт он в новом доме,
Не готовый ни к чему.

Ни к тому, чтоб стать пилотом,
Быть отважным моряком,
Чтоб лезть за пулемётом,
Управлять броневиком.

Он растёт, боясь мороза,
У папы с мамой на виду,
Как растение мимоза
В ботаническом саду.

Е С Л И

Мы сидим и смотрим в окна.
Тучи по небу летят.
На дворе собаки мокнут,
Даже лаять не хотят.

Где же солнце?
Что случилось?
Целый день течёт вода.
На дворе такая сырость,
Что не выйдешь никуда.

Если взять все эти лужи
И соединить в одну
И потом у этой лужи
Сесть,
Измерить глубину,
То окажется, что лужа
Моря Чёрного не хуже,
Только море — чуть поглубже,
Только лужа — чуть поуже.

Если взять все эти тучи
И соединить в одну
И потом на эту тучу
Влезть,
Измерить ширину,
То получится ответ,
Что краёв у тучи нет,
Что в Москве из тучи — дождик,
А в Чите из тучи — снег.

Если взять все эти капли
И соединить в одну,
А потом у этой капли
Ниткой смерить толщину, —
Будет капища такая,
Что не снилось никому.

И не приснится никогда
В таком количестве вода.

А ЧТО У ВАС?

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

— А у меня в кармане гвоздь,
А у вас?
— А у нас сегодня гость.
А у вас?

— А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюда не хотят.

— А у нас на кухне газ.
А у вас?

— А у нас водопровод.
Вот.

— А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

— Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.

— А у нас огонь погас —
Это раз.
Грузовик привёз дрова —
Это два.
А в четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
— Мама — лётчик?
Что ж такого!

Вот у Коли, например,
Мама — милиционер.
А у Толи и у Веры
Обе мамы — инженеры.
А у Лёвы мама — повар.
Мама — лётчик?
Что ж такого!

— Всех важней, — сказала Ната, —
Мама вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
— Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну, конечно, не пилот.

• Лётчик водит самолёты —
Это очень хорошо.

Повар делает компоты —
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

КОРАБЛИКИ

Ходят по морю кораблики
Без машин и без кают
И никем не управляются
И к земле не пристают.

Из окурков пушки сделаны,
Из бумаги — якоря.
Самый первый из корабликов
Называется «Заря».

Он от плаванья от дальнего
Весь до ниточки промок —
Самый первый из корабликов,
Папиросный коробок.

Взад-вперёд по скользкой палубе
Ходит мокрый капитан,
Взад-вперёд по мокрой палубе
Ходит чёрный таракан.

Он глядит, как волны катятся,
И усами шевелит.
Он скорей к ближайшей пристани
Кораблю пристать велит.

И плывут вперёд кораблики,
И на каждом корабле
Капитану очень хочется
Поскорей пристать к земле.

И не знают на корабликах,
Что под солнцем, на жаре,
Это море скоро высохнет —
Станет сухо на дворе.

ПЕСЕНКА ДРУЗЕЙ

Мы едем, едем, едем
В далёкие края,
Хорошие соседи,
Счастливые друзья.
Нам весело живётся,
Мы песенку поём,
И в песенке поётся
О том, как мы живём.

Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая —
Вот компания какая!

Когда живётся дружно,
Что может лучше быть?
И ссориться не нужно,
И можно всех любить.
Ты в дальнюю дорогу
Бери с собой друзей:
Они тебе помогут,
И с ними веселей.

Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая —
Вот компания какая!

Мы ехали, мы пели
И с песенкой смешной

Все вместе, как сумели,
Приехали домой.
Нам солнышко светило,
Нас ветер обвевал;
В пути нескучно было,
И каждый напевал:

«Красота! Красота!
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая —
Вот компания какая!»

М О Й Щ Е Н О К

Я сегодня сбилась с ног —
У меня пропал щенок.
Два часа его звала,
Два часа его ждала,
За уроки не садилась
И обедать не могла.

В это утро,
Очень рано,
Соскочил щенок с дивана,
Стал по комнатам ходить,
Прыгать,
Лаять,
Всех будить.

Он увидел одеяло —
Покрываться нечем стало.

Он в кладовку заглянул —
С мёдом жбан перевернул.

Он порвал стихи у папы,
На пол с лестницы упал,
В клей залез передней лапой,
Еле вылез
И пропал...

Может быть, его украли,
На верёвке увели,
Новым именем назвали,

Дом стеречь
Заставили?

Может, он в лесу дремучем
Под кустом сидит колючим,
Заблудился,
Ищет дом,
Мокнет, бедный, под дождём?

Я не знала, что мне делать,
Мать сказала:
— Подождём.

Два часа я горевала,
Книжек в руки не брала,
Ничего не рисовала,
Всё сидела и ждала.

Вдруг
Какой-то страшный зверь
Открывает лапой дверь,
Прыгает через порог...
Кто же это?
Мой щенок.

Что случилось,
Если сразу
Не узнала я щенка?
Нос распух, не видно глаза,
Перскошена щека,
И, впиваясь, как игла,
На хвосте жужжит пчела.

Мать сказала: — Дверь закрой!
К нам летит пчелиный рой.

Весь укутанный,
В постели
Мой щенок лежит пластом
И виляет еле-еле
Забинтованным хвостом.
Я не бегаю к врачу —
Я сама его лечу.

ТРЕЗОР

На дверях висел
Замок.
Взаперти сидел
Щенок.

Все ушли
И одного
В доме
Заперли его.

Мы оставили Трезора
Без присмотра,
Без надзора,
И поэтому щенок
Перепортил всё, что мог.

Разорвал на кукле платье,
Зайцу выдрал шерсти клок,
В коридор из-под кровати
Наши туфли уволок.

Под кровать загнал кота —
Кот остался без хвоста.
Отыскал на кухне угол —
С головой забрался в уголь,
Вылез чёрный — не узнать,
Влез в кувшин —
Перевернулся,
Чуть совсем не захлебнулся
И улёгся на кровать
Спать...

Мы щенка в воде и в мыле
Два часа мочалкой мыли,
Ни за что теперь его
Не оставим одного!

БАРАНЫ

По крутой тропинке горной
Шёл домой барашек чёрный
И на мостике горбатом
Повстречался с белым братом.

И сказал барашек белый:
— Братец, вот какое дело:
Здесь вдвоём нельзя пройти,
Ты стоишь мне на пути.

Чёрный брат ответил: — Ме,
Ты в своём, баран, уме?
Пусть мои отсохнут ноги,
Не сойду с твоей дороги!

Помотал один рогами,
Уперся другой ногами...
Как рогами ни крути,
А вдвоём нельзя пройти.

Сверху солнышко печёт,
А внизу река течёт.
В этой речке утром рано
Утонули два барана.

ПТИЧИЙ ДВОР

Утка курице сказала:
— Вы яиц несёте мало.
Все индюшки говорят,
Что на праздник вас съедят!

— Косолапка! Дармоедка! —
Раскудахталась наседка. —
Гусь сказал, что вы не утка,
Что у вас катар желудка,
Что ваш селезень — дурак,
Только знает: кряк да кряк!

— Кряк! — слышалось в канаве. —
Гусь бранить меня не в праве
И за это начинён
Будет яблоками он.
Я до гуся доберусь!
— Ого-го! — ответил гусь.

— Ах, скандал, скандал, скандал, —
Тут индюк забормотал.
Растолкал гусят вокруг
И гусыню клюнул вдруг.

Прибежал на крик петух,
Полетел из утки пух.
И слышалось в кустах:
— Га-га-га! Кудях-тах-тах!

Эту драку до сих пор
Вспоминает птичий двор.

Р И С У Н О К

Я карандаш с бумагой взял,
Нарисовал дорогу,
На ней быка нарисовал,
А рядом с ним корову.

Направо дождь, налево сад.
В саду пятнадцать точек,
Как будто яблоки висят
И дождик их не мочит.

Я сделал розовым быка,
Оранжевой — дорогу,
Потом над ними облака
Подрисовал немного.

И эти тучи я потом
Проткнул стрелой. Так надо,
Чтоб на рисунке вышел гром
И молния над садом.

Я чёрным точки зачеркнул,
И означало это,
Как будто ветер вдруг подул —
И яблоч больше нету.

Ещё я дождик удлинил —
Он сразу в сад ворвался,
Но нехватило мне чернил,
А карандаш сломался.

И я поставил стул на стол,
Залез как можно выше
И там рисунок приколот,
Хотя он плохо вышел.

П О Р О С Я Т А

(Из Л. Квитко)

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят.
Мы их не обидим,
Поглядим и выйдем.

— Уходите со двора,
Лучше не просите:
Поросят купать пора,
После приходите.

-- Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят
И потрогать спинки:
Много ли щетинки?

— Уходите со двора,
Лучше не просите:
Поросят кормить пора,
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят,
Рыльца — пяточками,
Хвостики — крючками.

— Уходите со двора,
Лучше не просите:
Поросятам спать пора,
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят..
— Уходите со двора,
Потерпите до утра!
Мы уже фонарь зажгли,
Поросята спать легли.

ГДЕ ОЧКИ?

--- Что стряслось у тётки Вали?
--- У неё очки пропали!

Ищет бедная старушка
За подушкой, под подушкой,

С головою залезала
Под матрац, под одеяло,

Заглянула в вёдра, в крынки,
В боты, в валенки, ботинки, --

Всё вверх дном перевернула,
Посидела, отдохнула,

Повздыхала, поворчала
И пошла искать сначала.

Снова шарит под подушкой,
Снова ищет за кадушкой.

Засветила в кухне свечку,
Со свечой полезла в печку,

Обыскала кладовую.
Всё напрасно! Всё пустую!

Нет очков у тётки Вали!
Очевидно, их украли!

На сундук старушка села.
Рядом зеркало висело.
И старушка увидала,
Что не там очки искала,
Что они на самом деле
У неё на лбу сидели.

Так чудесное стекло
Тёте Вале помогло.

АНДРЮШКА

Сыну

Лежали на полке,
Стояли на полке:
Слоны и собаки,
Верблюды и волки,
Пушистые кошки,
Губные гармошки,
И утки,
И дудки,
И куклы-матрёшки.

Кто видел у нас
В магазине
Андрюшку?
Он самую лучшую
Выбрал игрушку —
Он выбрал ружьё.
И сказал продавец:
— Он будет охотником.
Он молодец!

ДЯДЯ СТЁПА

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин,
По прозванию «Каланча»,

По фамилии Степанов
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

Уважали дядю Стёпу
За такую высоту.
Шёл с работы дядя Стёпа —
Видно было за версту.

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги:
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки,
Он разыскивал штаны
Небывалой ширины.

Купит с горем пополам,
Повернётся к зеркалам —
Вся портновская работа
Разъезжается по швам!

Он через любой забор
С мостовой глядел во двор.
Лай собаки поднимали:
Думали, что лезет вор.

Брал в столовой дядя Стёпа
Для себя двойной обед.
Спать ложился дядя Стёпа —
Ноги клал на табурет.

Сидя книги брал со шкапа,
И не раз ему в кино
Говорили: — Сядьте на пол —
Вам, товарищ, всё равно!

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:
Пропускали дядю Стёпу —
Думали, что чемпион.

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
Где живёт,

Потому что всех быстрее,
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов.

И того, кто ростом мал,
На параде поднимал,
Потому что все должны
Видеть армию страны.

Все любили дядю Стёпу,
Уважали дядю Стёпу:
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.

Он домой спешит с Арбата.
— Как живёшь? — кричат ребята.
Он чихнёт — ребята хором:
— Дядя Стёпа, будь здоров!

Дядя Стёпа утром рано
Быстро вскакивал с дивана,
Окна настежь открывал,
Душ холодный принимал.
Чистить зубы дядя Стёпа
Никогда не забывал.

Человек сидит в седле,
Ноги тащит по земле —
Это едет дядя Стёпа
По бульвару на осле.
— Вам, — кричат Степану люди, —
Нужно ехать на верблюде!

На верблюде он поехал,
Люди давятся от смеха:
— Эй, товарищ, вы откуда?
Вы сломаете верблюда!
Вам, при вашей вышине,
Нужно ехать на слоне!

Дяде Стёпе две минуты
Остаётся до прыжка.
Он стоит под парашютом
И волнуется слегка.
А внизу народ хохочет:
Вышка с вышки прыгать хочет!

В тир, под низенький навес,
Дядя Стёпа еле влез.
— Разрешите расплатиться,
Получите два рубля!
Я стреляю в эту птицу
И в название корабля!

Оглядев с тревогой тир,
Говорит в ответ кассир:
— Вам придётся на колени,
Дорогой товарищ, встать —
Вы же можете мишени
Без ружья рукой достать!

До утра в аллеях парка
Будет весело и ярко,
Будет музыка греметь,
Будет публика шуметь.

Дядя Стёпа просит кассу:
— Я пришёл на карнавал.
Дайте мне такую маску,
Чтоб никто не узнавал!

— Вас узнать довольно просто, —
Раздаётся дружный смех, —
Мы узнаем вас по росту:
Вы, товарищ, выше всех!

Что случилось?
Что за крик?
— Это тонет ученик!
Он упал с обрыва в реку —
Помогите человеку!
На глазах всего народа
Дядя Стёпа лезет в воду.

— Это необыкновенно! —
Все кричат ему с моста. —
Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места!

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.

Дядя Стёпа в этот раз
Утопающего спас.

За поступок благородный
Все его благодарят.
— Попросите что угодно, —
Дяде Стёпе говорят.

-- Мне не нужно ничего —
Я задаром спас его!

Паровоз летит, гудит,
Машинист вперёд глядит.
Машинист у полустанка
Кочегару говорит:

— От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
Но готов итти на спор —
Это новый семафор.

Подъезжают к семафору.
Что такое за обман?
Никакого семафора —
У пути стоит Степан.

Он стоит и говорит:
— Здесь дождями путь размыт.
Я нарочно поднял руку —
Показать, что путь закрыт.

Что за дым над головой?
Что за гром по мостовой?

Дом пылает за углом,
Сто зевак стоит кругом,
Ставит лестницы команда,
Из брандспойтов тушат дом.

Весь чердак уже в огне,
Бьются голуби в окне.

На дворе в толпе ребят
Дяде Стёпе говорят:
— Неужели вместе с домом
Наши голуби сгорят?

Дядя Стёпа с тротуара
Достаёт до чердака.
Сквозь огонь и дым пожара
Тянется его рука.

Он окошко открывает.
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
А за ними — воробей.

Все Степану благодарны:
Спас он птиц, и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

Но пожарникам в ответ
Говорит Степанов: — Нет!
Я на флот служить пойду,
Если ростом подойду!

В коридоре смех и топот,
В коридоре гул речей.
В кабинете — дядя Стёпа
На осмотре у врачей.

Он стоит. Его нагнуться
Просит вежливо сестра.
— Мы не можем дотянуться! —
Объясняют доктора. —

Всё, от зрения до слуха,
Мы исследуем у вас:
Хорошо ли слышит ухо,
Далеко ли видит глаз.

Дядю Стёпу осмотрели,
Проводили на весы
И сказали: — В этом теле
Сердце бьётся, как часы!
Рост велик, но ничего —
Примем в армию его!

Но вы в танкисты не годитесь:
В танке вы не поместитесь!
Вы в пехоту не годны:
Из окопа вы видны!

С вашим ростом в самолёте
Неудобно быть в полёте:
Ноги будут уставать —
Вам их некуда девать!

Для таких, как вы, людей
Нет на фронте лошадей!
А на флоте вы нужны,
Послужите для страны!

— Я готов служить народу, —
Раздаётся стёпин бас. —
Я пойду в огонь и в воду!
Посылайте хоть сейчас!

Нелюдимо наше море,
Неспокойно в дни войны.
Днём и ночью на линкоре
Пушки все заряжены.

Глаз усталых не смыкает
Дядя Стёпа — старшина.
Без бинокля гладь морская
Хорошо ему видна.

Вдруг увидел дядя Стёпа
Километрах в двадцати
Что-то вроде перископа
У линкора на пути.

Так и есть! Глядит моряк:
Под водой таится враг!
Залп один, за ним другой —
Тонут немцы под водой.

Дядя Стёпа улыбнулся,
К морю синему нагнулся,
Из пучины тёмных вод
Флаг немецкий достаёт.
Мокрый флаг, линючий флаг,
Под которым плавал враг.

— Отслужила тряпка фрицам! —
Заявляет старшина.
Но в хозяйстве пригодиться
Может всё-таки она.

Если свастику содрать,
Тряпку с мылом постирать, —
Приколотим на пороге,
Будем ноги вытирать!

Вот прошли зима и лето,
И опять пришла зима.
— Дядя Стёпа, как ты? Где ты?
Нету с моря нам ответа,
Ни открытки, ни письма...

И однажды мимо моста
К дому восемь дробь один
Дядистёпиного роста
Двигается гражданин.

Кто, товарищи, знаком
С этим видным моряком?

Он идёт.
Скрипят снежинки
У него под каблуком.

В складку форменные брюки,
Он в шинели под ремнём,
В шерстяных перчатках руки,
Якоря блестят на нём.

Вот моряк подходит к дому,
Всем ребятам незнакомый.
И ребята тут ему
Говорят: — А вы к кому?

Дядя Стёпа обернулся,
Поднял руку к козырьку
И ответил: — Я вернулся.
Дали отпуск моряку.
Ночь не спал. Устал с дороги:
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну. Надену китель.
На диване полежу.
После чая заходите —
Сто историй расскажу!
Про войну и про бомбёжку,
Про большой линкор «Марат»,
Как я ранен был немножко,
Защищая Ленинград.

И теперь горды ребята—
Пионеры, октябрята,—
Что знакомы с краснофлотцем,
С настоящим моряком.

Он домой идёт с Арбата.
— Как живёшь? — кричат ребята.
И теперь зовут ребята
Дядю Стёпу «Маяком».

ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОРАХ

(Шутка)

Я приехал на Кавказ,
Вылез в горы первый раз.

Мне сказали: «Выйди в горы —
Будешь к вечеру назад.
Полюбуйся на озёра,
Погляди на водопад.
Там совсем другое небо,
Рядом снежные хребты.
Ты же там ни разу не был,
Ты не видел красоты».

Я ответа не нашёл,
Убедили — я пошёл.

«Ты пустился в путь опасный, —
Сердце мечется в груди. —
Сядь на камешек, несчастный,
Образумься, не ходи.
Умный в гору не пойдёт,
Умный гору обойдёт».

«Чем бы ты ни угрожало,
Как бы я ни уставал,
Я не видел перевала,
Я увижу перевал».

Час шагаю, два шагаю,
На шестом в глазах круги,
Я с трудом передвигаю
Две натёртые ноги.

Утомлённый, одинокий,
Я к потоку подхожу,
Но в бушующем потоке
Красоты не нахожу.

Сердце бьётся: «Я устало,
Ты безумец. Я право.
Не увидишь перевала —
Не случится ничего».

«Как бы ты ни уставало,
Как бы я ни уставал,
Я не видел перевала,
Я увижу перевал».

Вот уже на четвереньках
Я ползу по леднику,
Шаг — ступенька, два — ступенька,
Пот струится по виску.

Я карабкаюсь на скалы,
Лезу, падаю, встаю,
Мне в пути грозят обвалы,
Камни метят в жизнь мою.

Наконец-то я у цели!
Все подъёмы за спиной,
Все долины, все ущелья
Распростёрты подо мной!

Наконец-то я у цели!
Вот он, снежный перевал!
Подо мной шумят ущелья...
Дальше — в памяти провал.
Дальше ровно две недели
Я своих не узнавал.

Самый видный выбрав камень,
Из кармана вынув мел,
Я дрожащими руками
Нацарапал, как сумел:
«Умный в гору не пойдёт,
Умный гору обойдёт.
Как приеду в Теберду,
Так опять сюда приду!»

КЛОПЫ

(Шутка)

В комнате у дяди Вани,
Там, где кресла и шкапы,
Жили в маленьком диване
Злые, жёлтые клопы.

Их морили голодом,
Выводили холодом,
Поливали кипятком,
Посыпали порошком,
Их травили газами,
Керосином мазали —
Ничего не помогало.
Сыпь — не сыпь и лей — не лей!
Всё, что в битвах выживало,
Становилось только злей.

Надоело дяде Ване
Между кресел и шкапов
У себя держать в диване
Злых, коричневых клопов

И морить их голодом,
Выводить их холодом,
Поливать их кипятком,
Посыпать их порошком,
И травить их газами,
Керосином мазать их,

Взял —
И продал он диван!
(Хитрый дядя был Иван!)

М О Й Б О Е Ц

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Крест-накрест синие полосы
На окнах съёжившихся хат.
Родные, тонкие берёзки
Тревожно смотрят на закат.

И юноша в одежде рваной
Висит на высохшей сосне,
И чей-то грубый, иностранный,
Не русский говор в тишине.

И пёс на тёплом пепелище,
До глаз испачканный в золе.
Он целый день кого-то ищет
И не находит на селе...

Накинув старый зипунишко,
По огородам, без дорог,
Спешит, торопится парнишка
По солнцу, прямо на восток.

Никто в далёкую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел.

В нетопленной, разбитой бане
Ночь скоротавший, как зверёк,
Как долго он своим дыханьем
Озябших рук согреть не мог!

Но по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза,
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза.

Всё видевший, на всё готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим, русоголовый,
Десятилетний человек.

Он знал, что где-то недалеко,
Быть может, вон за той горой,
Его, как друга, в тёмный вечер
Окликнет русский часовой.

И он, прижавшийся к шинели,
Родные слыша голоса,
Расскажет всё, на что глядели
Его недётские глаза.

ПОСЫЛКА

Две нательные фуфайки,
На портянки серой байки,
Чтоб ногам стоять в тепле
На снегу и на земле.

Меховые рукавицы,
Чтоб не страшен был мороз.
Чтоб с друзьями поделиться —
Десять пачек папирос.

Чтобы тело чистым было
После долгого пути,
Два куса простого мыла —
Лучше мыла не найти!

Земляничное варенье
Своего приготовления —
Наварили мы его,
Будто знали для кого!

Всё, что нужно для бритья, —
Если бритва есть своя,
Было б время да вода —
Будешь выбритым всегда.

Нитки, ножницы, иглока —
Если что-нибудь порвёшь,
Сядешь где-нибудь под ёлкой
И спокойно всё зашьёшь.

Острый ножик перочинный —
Колбасу и сало режь!
Банка каши со свиной —
Открывай её и ешь!

И в надёжной упаковке,
Чтобы выпить в добрый час,
Две московских поллитровки.
Вспоминайте, братцы, нас!

Всё завязано, зашито,
Крышка к ящику прибита —
Дело близится к концу.
Отправляется посылка,
Очень важная посылка,
Пионерская посылка
Неизвестному бойцу!

ПОЧЁТНЫЙ ПАССАЖИР

В армейской шинели,
В армейской ушанке
Вагона он ждёт
На трамвайной стоянке.

Он входит с передней
Площадки трамвая,
На правую ногу
Немного хромая.

Таких пассажиров
В трамвае немного,
И люди ему
Уступают дорогу.

Таким пассажирам,
В таком положенье
Повсюду — вниманье,
Везде — уваженье!

Сидит он в вагоне
На лучшем из мест,
Кондуктор с него
Не берёт за проезд.

Он орден имеет
Под серой шинелью,
Он ранен под Курском
Немецкой шрапнелью.

Бесстрашный участник
Большого сраженья,
Он вывел товарищей
Из окруженья.

Боец-пулемётчик
Стрелкового взвода,
Большое спасибо
Тебе от народа!

ПРИЕЗД ГЕРОЯ

Сегодня в доме весело,
Сегодня — пир горой.
Из действующей армии
Приехал сын-герой.

Коней колхозных выслали
На станцию с утра,
И он сошёл с почтового
Под громкое: «Ура!»

И обнял он родителей,
Мамашу и отца,
И сам начальник станции
Слезу смахнул с лица.

И тронулись, поехали
Со станции в колхоз.
Он узнавал окрестности,
Где он мальчишкой рос.

Берёзовая роища,
За ней сосновый лес,
А вот налево — пасека,
Направо — МТС.

Остановились лошади,
Он вышел из саней,
И все кругом захлопали
Всё громче, всё сильнее

Заслуженному лётчику
В кожанке фронтовой,
За подвиги геройские,
За орден боевой.

И он сказал: «Товарищи,
Я вас благодарю!
Я вам красноармейское
Спасибо говорю!

Для родины, для Сталина
Не жаль мне ничего!»
И все опять захлопали,
Приветствуя его.

И сквозь толпу народную
Пройдя с большим трудом,
Вошёл он в дом родительский —
Простой крестьянский дом.

Вошёл, и в светлой горнице
Вдруг стало днём темно —
Все будущие лётчики
Явились под окно.

НАШ КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Малому было четырнадцать лет.
Малый вступил в комсомол.
Дали ему комсомольский билет,
Взял он его и пошёл...

Малый учился, работал и рос,
Вот и в шинель он одет.
В этой шинели на фронт он принёс
Свой комсомольский билет.

Не расставался он с ним никогда
В годы удач и невзгод.
Только однажды случилась беда:
Сбили его самолёт.

Лётчик в лесу, на чужой стороне,
Думает: «Есть пистолет,
Компас и карта со мной, и при мне
Мой комсомольский билет.

Мне пистолет не откажет в бою,
Смерти же я не боюсь, —
Или погибну за землю свою,
Или к своим доберусь.

Карта поможет мне в трудном пути,
Компас покажет — восток,
Как мне до линии фронта дойти
И по какой из дорог.

Совесть моя у меня на груди,
В левом кармане моём.
Совесть моя говорит мне: «Иди!
Вынесем. Не пропадём!»

Лётчик прополз, пробежал и пролез
Мимо чужих патрулей.
Крышей надёжной служил ему лес,
Спутником верным — ручей.

Ветер из сёл до него доносил
Гарь и немецкую речь.
Месяц над пашнями свет свой гасил,
Чтобы его уберечь.

Лётчик в пути бородою оброс.
Долго пришлось голодать.
Лётчик за пачку любых папирос
Мог бы полжизни отдать...

Лётчик вернулся в гвардейскую часть
К чести полка своего.
Знали друзья: он не должен пропасть,
И поджидали его.

С лётчиком вместе вернулся домой,
Вид потерявший и цвет,
Всех испытаний свидетель немой —
Вымокший, вытертый, но боевой
Наш комсомольский билет.

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Это кто на первой койке,
Утомлённый боем, спит?
Это спит военный лётчик,
Сбивший пятый «Мессершмитт».

Он сегодня под Москвою
Показал в ночном бою
Ловкость, мужество и волю,
Гнев и выучку свою.

Он врага достойно встретил —
Сбил с полуночных небес
На застывший и притихший
Подмосковный снежный лес.

Не шумите в общежитье.
Пусть, как дома, в тишине
Русский лётчик-истребитель
Улыбается во сне.

Пусть поспит ещё немного,
Ну хотя бы полчаса.
Он проснётся, выйдет в поле,
Поглядит на небеса,

Боевой приказ получит,
Руку технику пожмёт
И шестого «Мессершмитта»
После пятого сойдёт.

ЗЕНИТЧИКИ

Слышен рокот
Самолёта.
В нашем небе
Бродит кто-то
На огромной
Высоте,
В облаках
И в темноте.
Но безлунными
Ночами,
От зари и до зари,
Небо щупают лучами
Боевые фонари.
Тяжело лететь
Пилоту —
Луч мешает самолёту.
А с земли
Навстречу гулу
Поднимают пушки дула.
Если враг —
Он будет сбит!
Если свой —
Пускай летит!

МУЖИЧОК С НОГОТОК

*...В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!..*
Некрасов

Немножечко меньше их, чем Ивановых,
Но всё-таки много на свете Смирновых:
Смирновы — врачи и Смирновы — шофёры,
Радисты, артисты, танкисты, шахтёры,
Шведы, кузнецы, продавцы, звероловы,
Смирновы — певцы и портные Смирновы.
Есть дети Смирновы и взрослые тоже,
И все друг на друга ничуть не похожи:
Весёлые, мрачные, добрые, злые, —
Смирновы — такие, Смирновы — сякие.

Один из Смирновых попал в эту книжку.
Приехал я раз в небольшой городишко,
На карте отмечен он маленькой точкой —
Географ ему не поставил кружочка.
В том городе были: аптека, и баня,
Больница, и школа, и парк для гулянья,
Некрасова улица, площадь Толстого,
Базар и вокзал пароходства речного.
Но самое главное в городе этом
Был выросший за год и пущенный летом,
Кругом огорожен стеной здоровенной,
Завод номерной. Очень важный. Военный.
Из непробиваемой пулями стали
В три смены он делал для танков детали.
И я вам хочу рассказать про Смирнова,
Который вставал в половине шестого,
Который, с трудом подавляя зевоту,
Спускался с крыльца и спешил на работу, —
Где восемь и десять часов, если надо,
Работал как мастер шестого разряда.

Я шёл по заводу, вдруг слышу: «Здорово!»
Вот так в первый раз я услышал Смирнова.
— Здорово! — хотел я кому-то ответить,
Кого не успел ещё даже заметить.
«Что ходишь? Что смотришь?» — послышалось
снова.

И тут в первый раз я увидел Смирнова.

Я знал, что бывают какие-то гномы,
Которые людям по сказкам знакомы.
Я помню, что слышал однажды от сына,
Что жил человек смешной — Буратино,
Которого ловкий топор дровосека
Из чурки простой превратил в человека.
Но в жизни своей не встречал я такого,
Как этот Смирнов, человечка живого!

В большой, не по росту, казённой тужурке,
В огромной ушанке из кроличьей шкурки,
В таких сапожищах, что я испугался, —
Стоял человечек и мне улыбался.
— Как звать? — я спросил.
— По работе кто знает, —
Ответил малыш, — Кузьмичом называют.
Смирновым Кузьмой был покойный папаша,
Данила Кузьмич — будет прозвище наше.
— А сколько вам лет? — я спросил у Смирнова.
— Четырнадцать минуло двадцать восьмого, —
Сердито ответил он басом солидным.
(Должно быть, вопрос показался обидным.)
— Да ты не сердись! —

— А чего мне сердиться! —

Кузьмич отмахнулся большой рукавицей. —
Таких-то немало у нас на заводе.
А ростом другие поменее вроде!

Мы шли с Кузьмичом корпусами завода.
И нас проверяли у каждого входа,
У каждого выхода нас проверяли —
Мы оба свои пропуска предъявляли.
— Куда мы идём? — я спросил у Смирнова,
Но я из ответа не понял ни слова.
Гудели динамо — жуки заводные,

Шуршали, как змеи, ремни приводные,
И масло машинное ниточкой тонкой
Тянулось безустали над шестерёнкой.
Из непробиваемой пулями стали
Для танков станки штамповали детали.
И вот, наконец, мы дошли до плаката:

*«Берите пример со Смирнова, ребята!
в тылу не расходится дело со словом,
на фронте танкисты гордятся
Смирновым!»*

А сам мужичок с ноготок знаменитый
По шумному цеху шагал деловито,
И кто мог подумать, что в эту минуту
Его вспоминали в сражении лютом...
Смирнов по-хозяйски зашёл за решётку,
Умело взял в руки железную щётку,
Протёр этой щёткой поверхность металла,
Как зеркало, сразу она засияла.
— Включайте рубильник. Готово? — Готово!
И я за работой увидел Смирнова.

У сложной машины на ящике стоя,
Данила Кузьмич был похож на героя.
Он быстро и смело работал руками —
Резец направлял, управлял рычагами,
И падали на пол, цепляясь друг к дружке,
Витые, стальные, блестящие стружки.

И понял я, что никакой Буратино
Не смог бы стоять возле этой машины.
И что никакие волшебники-гномы,
Которые людям по сказкам знакомы,
Которые силой чудесной владеют, —
Творить чудеса, как Смирнов, не сумеют.
И я, человек выше среднего роста,
Себя вдруг почувствовал карликом просто.

Прославим же юного мастерового:
Ткача, скорняка, кузнеца и портного,
Сапожника, токаря и маляра.
Даниле Смирнову и прочим «ура!»

ТЫ ПОБЕДИШЬ

Когда тебе станет тяжело
В упорном и долгом бою,
Возьми себя в руки, товарищ,
И вспомни свою семью.

Отца своего седого
И мать, если мать жива,
Ты вспомни её простые
Напутственные слова.

Она твои письма прячет
И, пусть со слезами, пусть
Тобою гордясь, соседям
Читает их наизусть.

Ты вспомни ещё, товарищ,
Жену, если есть жена,
Как ждёт она, не дождётся,
Как любит тебя она.

Как в доме твоём семейном
Заметна её рука,
Как люди её называют
Женою фронтовика.

Ты вспомни, товарищ, сына
И дочь, если дети есть,
Портрет твой в военной форме —
Их гордость, их детская честь.

Они тебе пишут письма
И видят тебя во сне,
Они говорят сегодня:
— У нас отец на войне!

Но если, товарищ, ты холост
И нет у тебя семьи,
И умерли самые близкие
Родственники твои,

То есть у тебя, я внаю
(Не могут не быть у бойца),
Преданные товарищи,
Испытанные сердца.

Может, сидевшие в школе
С тобой на одной скамье,
Может быть, росшие вместе
С тобою в одной семье, —

Те, которым ты дорог,
Которые рады знать,
Что жив ты и что воюешь,
Не думая умирать.

Ты вспомни о них, товарищ,
В тяжелый и трудный час,
Когда ты на поле боя,
Как будто в последний раз.

Они в твои силы верят
И в храбрость твою, и в честь,
И в то, что ты твёрдо знаешь
Горячее слово: «мечь!»

И если ты это вспомнишь,
То силы к тебе придут,
И штык твой станет острее
За несколько этих минут.

И немец, бравший Варшаву,
Входивший маршем в Париж,
Погибнет в твоей России,
А ты в боях — победишь!

МОЙ БОЕЦ

И в столице и в селеньи —
В каждом доме и в избе
Люди думают с волнением
И с любовью о тебе.

И везде тобой гордятся,
И сегодня нет семьи,
Дома нет, где не хранятся
Фотографии твои.

В скромных рамках — над постелью,
Над комодом, на стене —
Где ты снят в своей шинели,
Пешим снят и на коне,

Снят один ли, с экипажем
В обстановке боевой,
Офицер ты или, скажем,
Пехотинец рядовой.

Ты зайдёшь в любую хату,
Ты заглянешь в дом любой —
Всею, чем рады и богаты,
Мы поделимся с тобой.

Потому что в наше время,
В дни войны, в суровый год,
Дверь открыта перед всеми,
Кто воюет за народ.

Кто своей солдатской кровью
Орошает корни трав
У родного Приднестроья,
У донецких переправ.

Никакое расстояние
Между нами в этот час
Оторвать не в состоянии,
Разлучить не в силах нас.

Ты готовил пушки к бою,
Ты закапывался в снег —
В Сталинграде был с тобою
Каждый русский человек.

Ты сражался под Ростовом,
И в лишениях и в борьбе
Вся Россия добрым словом
Говорила о тебе.

Ты вступил на Украину,
Принимая грудью бой,
Шла, как мать идёт за сыном,
Вся Россия за тобой.

Сколько варежек связали
В городах и на селе,
Сколько валенок сваяли, —
Только был бы ты в тепле.

Сколько скопленных годами
Трудовых своих рублей
Люди честные отдали, —
Только стал бы ты сильней.

Землю эту, нивы эти
Всей душой своей любя,
Как бы жили мы на свете,
Если б не было тебя?!

СОЛДАТ

— Солдатик мой, касатик мой,
Товарищ дорогой,
Я своего ждала домой,
А вот зашёл другой.

Зашёл: — Хозяйка, есть попить?
— Найдётся, в добрый час.
Кого встречать, кормить, поить
Сегодня, как не вас!

— А можно валенки разуть,
У печки просушить,
Да крепкой ниткой как-нибудь,
Шинель в плече зашить?

Летела пуля — порвала.
И надо же задеть!
Как будто в поле не могла
Сторонкой пролететь.

— С утра в печи дрова горят,
Чтоб ты обсохнуть мог.
Садись к огню, сушишь, солдат,
Снимай, солдат, сапог.

Как дома, будь в моей избе,
Давай шинель свою,
Я, как хозяину, тебе
Сейчас её зашью.

И где-то он, хозяин мой,
Когда мне ждать его домой?

Присел солдат на табурет,
Солдата клонит в сон.
Трофейных пачку сигарет
С трудом вскрывает он.

Хозяйка смотрит на стрелка:
— Да ты устал, видать?
Приляг, сынок, вздремни пока.
— И то прилягу, мать...

...А шёл боец издалека,
И всё с боями шёл.
Была дорога нелегка
От городов до сёл.

И было некогда ему
Ни есть, ни пить, ни спать.
Всё надо было моему
Солдату воевать.

Его бомбили — он лежал,
К нему летел снаряд,
В него стреляли — он бежал
Вперёд, а не назад.

«Чем дальше я пройду вперёд, —
Мечтал солдатик мой, —
Тем больше хлеба в этот год
Засеем мы весной.

Чем больше немцев уложу, —
Смекал он на ходу, —
Тем раньше путь освобожу,
Скорей домой приду.

При немцах на моей земле
Мне не бывать в родном селе».

И беззаветно потому
Солдат мой воевал,
И было некогда ему,
И он ночей не спал.

А то, что пачку сигарет
Он поднял на пути,
Так это просто мочи нет
Без курева итти!

Лежит солдат, храпит солдат,
Командует во сне.
Рукою обнял автомат —
Привык ведь на войне!

— Проснись, солдат, хоть сон глубокий,
Как ни мягка постель.
Просушен валеный сапог,
Зачинена шинель.

— И то встаю. Спасибо, мать!
Наспался ва троих!
Мне не придётся догонять
Товарищей своих.

Хозяйка смотрит на стрелка:
— Когда ж войне конец?
— Определить нельзя пока, —
Ответствует боец. —

Но всё же думается мне,
Что недалёк конец войне. —

Сказал солдат, и вышел он
На улицу села,
А по селу со всех сторон
Дивизия текла.

Коням на гривы падал снег,
В степи мела метель.
Вперёд шёл русский человек,
Ремень стянув шинель.

ОТКУДА ТЫ

— Вторую зиму мы воюем вместе.
Твои дела почётны и просты.
И меткий глаз твой всей стране известен.
Скажи, боец, откуда родом ты?

— Отец и дед охотниками были,
Вот почему и меткость есть в глазах.
Отец и дед пушного зверя били,
Я немца бью. Я снайпер. Я казах.

— Тебя я знаю по ночному бою,
И мне твои запомнились черты.
В атаке ты не дорожил собою.
Скажи, боец, откуда родом ты?

— Я в том бою оружием и честью
Лишь дорожил, как вольный человек.
Я сын садов ташкентского предместья.
Я хлопкороб. Я воин. Я узбек.

— А ты, орёл, я знаю, что немало
Обрушил ты на немцев с высоты
Горячего разящего металла.
Скажи, герой, откуда родом ты?

— Таких, как я, в полку героев много,
И награждён страной не я один.
Военная Грузинская дорога
Ведёт в мой дом, в Тбилиси. Я грузин.

— От верных залпов твоего расчёта
Враги под землю лезли, как кроты.
Но не спасали их накаты дзотов.
Скажи, сержант, откуда родом ты?

— Я мщу врагам за дочку и за сына,
Застреленных у мирного плетня.
Я украинец. Ридна батьковщина
К орудиям поставила меня.

— Ты воевал в лесах и на болотах,
Дороги строил, возводил мосты.
Тебе спасибо говорит пехота.
Скажи, сапёр, откуда родом ты?

— Откуда я? Да, видно, издалеча,
Из тех краёв, где воевал Ермак.
Давай закурим, что ли, ради встречи,
По-плотнически. Я плотник-сибиряк.

— А ты, отец, хранишь, я знаю, дома
От прошлых войн солдатские кресты.
С какой реки, с Кубани или с Дона,
Скажи, солдат, откуда родом ты?

— Не угадал. Ни с Дона, ни с Кубани,
С Москва-реки на фронт явился я.
Мы от земли — можайские крестьяне,
Там, стало быть, и родина моя.

Войди в блиндаж, пройди по батареям,
Везде они, бойцы моей страны.
Мы вместе спим и вместе воду греем
И друг для друга жизни не жалеем —
В одну семью отчизной сплочены.

Северо-Западный фронт

ПИСЬМО ДОМОЙ

Здесь, на войне, мы рады каждой строчке
И каждой весточке из милых нам краёв.
Дошедших писем мятые листочки
Нам дороги особо в дни боёв.

Они хранят тепло родного дома,
Сопутствуя бойцу в его судьбе.
О, чувство зависти! Как нам оно знакомо,
Когда письмо приходит не тебе.

О, письма из дому! Мы носим их с собою,
Они напоминают нам в бою:
Будь беспощаднее с врагом на поле боя,
Чтоб враг не истребил твою семью!

Мы были в городе развалин и воронок,
Разграбленного немцами жилья.
Я видел мальчика. Лет четырёх ребёнок.
Он был убит. И сына вспомнил я.

Мы были в городе. Как грозный знак проклятья,
Труп женщины лежал на мостовой.
Растерзанное ситцевое платье,
Застывшая рука над головой.

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь, как я, таких же лет,
Ждёт от жены письма, письма из дому
От этой женщины. А писем нет и нет...

Мой верный друг, товарищ мой надёжный!
Мы на войне. Идёт жестокий бой
За каждый дом, за каждый столб дорожный,
За то, чтоб мы увиделись с тобой!

Южный фронт

ПЕСНЯ ВОСЬМОЙ ГВАРДЕЙСКОЙ
ДИВИЗИИ

Сквозь град пулемётный свой путь пробивая,
Страну защищая свою,
Дивизия наша — родная Восьмая —
Грозна и бесстрашна в бою.

Припев:

Гремит в походе песня огневая,
Когда идёт в порядке стросвом
Дивизия
Гвардейская
Восьмая,
Которой так гордится наш Нарком.

Приказ выполняя, идя в наступленье,
Врага зажимая в тиски,
Ещё ни в одном многодневном сраженье
Не дрогнули наши полки.

Припев.

Мы добыли славу делами своими —
Давалась она нелегко.
Родного Панфилова славное имя
Гвардейцы несут высоко.

Припев.

Нам родина скажет, нам Сталин прикажет
Опять в наступленье итти,
И свора фашистская мёртвою ляжет
На нашем победном пути.

Припев.

Советскую землю храня неустанно
С оружием верным в руках,
Прославят себя сыновья Казахстана
В советских гвардейских полках.

П р и п е в.

Гремит в походе песня огневая,
Когда идёт в порядке строезом
Дивизия
Гвардейская
Восьмая,
Которой так гордится наш Нарком.

МАТЬ

По большаку, правее полустанка,
Итти пять вёрст — деревня Хуторянка.
Спервоначалу были хутора,
Да разрослись. И стали год за годом
Дружнее жить, богаче быть народом —
Деревней стали. Сорок два двора.

Вокруг луга, — есть чем кормить скотину,
Густы леса — орешник да малина.
Всего хватает: и грибов, и дров.
Сойдёшь под горку, тут тебе речушка,
А там, глядишь, другая деревушка,
Но в той уже поменее дворов.

Живёт народ, других не обижая,
От урожая и до урожая,
От снега до засушливой поры.
И у соседей хлебушка не просит.
И в пору сеет. В пору сенокосит.
Коней куёт. И точит топоры.

И землю под озимые боронит,
Гуляет свадьбы, стариков хоронит,
И песни молодёжные поёт,
Читает вслух газетные страницы...
За тридевять земель Москва-столица,
И дальний поезд до неё везёт...

В родной деревне, третья хата с краю,
Другой судьбы себе не выбирая,
Полвека честной жизни прожила

Хохлова Груша. В тихой Хуторянке
Прошла в труде крестьянском жизнь крестьянки,
И не заметишь, как она прошла.

Здесь в девках бегала, здесь замуж захотела,
Здесь на гулянках парня присмотрела,
Вошла к нему хозяйкой в бедный дом.
Здесь называлась Грушею-солдаткой,
Здесь поседела первой белой прядкой,
Здесь вынянчила четырёх с трудом.

Она порой сама недоедала,
Чтоб только детям поровну хватало,
Чтоб сытыми вставали от стола.
Она с утра к соседям уходила,
Бельё стирала и полы скоблила —
В чужих домах подёнщину брала.

Она порой сама недосыпала,
Ложилась поздно и чуть свет вставала,
Чтоб только четверым хватало сна.
И выросли хорошие ребята,
И стала им тесна родная хата,
И узок двор, и улица тесна.

Последнего она благословила.
Домой пришла, на скобку дверь закрыла,
Не раздеваясь, села в уголок.
Стучали к ней — она не открывала,
И в первый раз ей было дела мало —
Всё плакала, прижав к лицу платок.

Она с людьми тоской не поделилась.
Никто не видел, как она молилась
За четверых крестьянских сыновей,
Которых не вернуть теперь до дому,
Которым жить на свете по-иному —
Не в Хуторянке, а в России всей...

...Она хранила бережно в комоде
Из Ленинграда письма от Володи,
Из Сталинграда письма от Ильи,
Одесские открытки от Андрея
И весточки от Гриши с батареей
Из Севастополя. От всей семьи.

В июньский полдень, в тесном сельсовете,
По радио — ещё не по газете, —
Когда она услышала: «Война!» —
Как будто бы по сердцу полоснули,
Как села, так и замерла на стуле —
О сыновьях подумала она.

Пришла домой. Тиха пустая хата.
Наседка квохчет, просят есть цыплята,
Стучит в стекло — не вырвется — пчела.
Четыре мальчика! Четыре сына!
И в этот день ещё одна морщина
У добрых материнских глаз легла.

...Косили хлеб. Она снопы вязала
Безустаи. Ей всё казалось мало!
Быстрее надо! Жаль, не те года!
И солнце жгло, и спину ей ломило,
И мать-крестьянка людям говорила:
«Там — сыновья. И хлеб идёт Ту да».

А сыновья писали реже, реже,
Но штемпеля на письмах были те же:
Одесса, Севастополь, Сталинград
И Ленинград, где старший сын Володя,
Работая на Кировском заводе,
Варил ежи для нарвских баррикад.

Когда подолгу почты не бывало,
Мать старые конверты доставала,
Читала письма, и мечталось ей:
Нет на земле честнее и храбрее,
Нет на земле сильнее и добрее
Взращённых ею молодых парней.

Страна гудела, как пчелиный улей.
Все слышали, как третьего июля
Товарищ Сталин нам сказал: «Друзья!»
Крестьянка-мать сидела в сельсовете
И, слушая слова простые эти,
Подумала: «Ответьте, сыновья!»

Тревожные в газете сводки были,
И люди об Одессе говорили,
Как говорят о самом дорогом.

Старушка-мать — она за всем следила —
Шептала ночью: «Где же наша сила,
Чтоб мы могли расправиться с врагом?»

О, как она бессонными ночами
Хотела повидаться с сыновьями,
Пусть хоть разок, пусть, провожая в бой,
Сказать бойцу напутственное слово.
Она ведь ко всему теперь готова,
На много дней глядит перед собой,

Но не могло её воображение
Себе представить город в окруженье,
Немецких танков чёрные ряды,
К чужой броне в крови прилипший колосс,
Не слышала она Андрея голос:
«Я ранен в грудь... товарищи... воды...»

Пришёл конверт. Ещё не открывала,
А сердце матери уже как будто знало...
В углу листка — армейская печать...
Настанет день, Одесса будет наша,
Но прежних строчек: «Добрый день, мамаша!» —
Ей никогда уже не прочитать...

...Глаза устали плакать — стали суше,
Со временем тоска и горе глуше.
Дров запасла — настали холода.
Шаль распустила — варежки связала,
Потом вторые, третьи... Мало, мало!
Побольше бы! Они нужны — Т у д а!

Всё не было письма из Ленинграда.
И вдруг она услышала: «Блокада»,
Тревожно поспешила в сельсовет,
Секретаря знакомого спросила.
Тот пояснил... Опять душа заныла,
Что от Володи писем нет и нет.

Пекла ли хлеб, варила ли картошку,
Всё думала: «Послать бы хоть немножко.
За тьщу вёрст сама бы понесла!»
И стыли щи, не тронутые за день.
Болея о голодном Ленинграде,
Старуха-мать обедать не могла.

Она была и днём и ночью с теми,
Кто день и ночь, всегда, в любое время
Работал, защищая Ленинград,
И выполнял военные задания
Ценой бессонницы, недоедания —
Любой ценой, как люди говорят...

...Опять скворцы в скворешни прилетели.
Дороги по весне потяжелели —
Опять в грязи завязли передки...
Из Севастополя прислал письмо Григорий:
«Воюем, мать, на суше и на море.
Вот как у нас дерутся моряки!»

Она письмо от строчки и до строчки
Пять раз прочла, потом к соседской дочке
Зашла и попросила почитать.
Хоть сотню раз могла она прослушать,
Что пишет сын про море и про сушу
И про своё умение воевать.

И вдруг за ней пришли из сельсовета.
В руках у председателя газета:
«Смотри-ка, мать, на снимок. Узнаёшь?»
Взглянула только: «Сердце, тише, тише!
Он! Родненький! Недаром снился! Гриша!
Ну, до чего стал на отца похож!»

Собрали митинг. Вызвали на сцену
Героя мать Хохлову Аграфену.
Она к столу сторонкой подошла
И поклонилась. А когда сказали,
Что Грише на войне Героя дали,
Заплакала. Что мать сказать могла?..

...Шла с вёдрами однажды от колодца,
Подходит к дому — видит краснофлотца.
Дух захватило: Гриша у крыльца!
Подходит ближе, видит: нет, не Гриша —
В плечах поуже, ростом чуть повыше
И рыженький, веснучатый с лица.

«Вы будете Хохлова Аграфена?» —
И трубочку похлопал о колено.
«Я самая! Входи, сынок, сюда!»

Помог в сенях поднять на лавку вёдра,
Сам смотрит так улыбочиво и бодро —
Так к матери не входят, коль беда.

А мать стоит, глядит на краснофлотца,
Самой спросить — язык не повернётся,
Зачем и с чем заехал к ней моряк.
Сел краснофлотец: «Стало быть, мамаша,
Здесь ваша жизнь и всё хозяйство ваше!
Как управляетесь одна? Живёте как?»

Мне командир такое дал задание:
Заехать к вам и оказать вниманье,
А если что — помочь без лишних слов». —
«Ты не томи, сынок! Откуда, милый?
И кто послал-то, господи, помилуй?» —
«Герой Союза старшина Хохлов!»

Как вымолвил, так с плеч гора свалилась.
Поправила платок, засутилась:
«Такой-то гость! Да что же я сию?
Вот горе-то! Живём не так богато —
В деревне нынче с водкой плоховато,
Чем угостить, ума не приложу!»

Пьёт краснофлотец чай за чашкой чашку,
Распарился, хоть впору снять тельняшку,
И, вспоминая жаркие деньки,
Рассказывает гладко и толково.
И мать в рассказ своё вставляет слово:
«Вот как у нас дерутся моряки!»

Их никакая сила не сломила.
Не описать, как людям трудно было,
А всё дрались — посмотрим, кто кого!
И убивали немцев без пощады,
И Севастополь дрался так, как надо.
Пришёл приказ — оставили его...

«А Гриша где?» — «Теперь под Сталинградом,
В морской пехоте». — «Значит, с братом рядом?
Там у меня ещё сынок Илья.
Тот в лётчиках, он у меня крылатый.
Один — рабочий, три ушли в солдаты».
Моряк в ответ: «Нормальная семья!»

Она его накрыла одеялом,
Она ему тельняшку постирала,
Она ему лепёшек напекла,
Крючок ослабший намертво пришила
И за ворота утром проводила,
И у ворот, как сына, обняла...

...В правлении колхоза на рассвете
Толпились люди. Маленькие дети
У матерей кричали на руках.
Ребята, что постарше, не шумели,
Держась поближе к матерям, сидели
На сундучках, узлах и узелках.

Они доехали. А многие убиты —
По беженцам стреляли «Мессершмитты»,
И «Юнкерсы» бомбили поезда.
Они в пути тяжёлом были долго,
За их спиной ещё горела Волга,
Не зная такого никогда.

Теперь они в чужом селе, без крова.
Им нужен кров и ласковое слово.
И мать солдатская решила: «Я — одна...
Есть у меня картошка, есть и хата,
Возьму семью, где малые ребята.
У нас у всех одна беда — война».

Тут поднялась одна из многих женщин
С тремя детьми — один другого меньше,
Три мальчика. Один ещё грудной.
«Как звать сынка-то?» — «Как отца, Анисим.
Сам на войне, да нет полгода писем...» —
«Ну, забирай узлы, пойдём со мной!»

И стали жить. И снова, как бывало,
Она пелёнки детские стирала,
Опять повисла люлька на крюке...
Всё это прожито, всё в этой хате было,
Вот так она ребят своих растила,
Скучая о солдате-мужике.

* * *

В большой России, в маленьком селеньи,
За сотни вёрст от фронта, в отдаленьи,
Но ближе многих, может быть, к войне,

Седая мать по-своему воюет
И по ночам о сыновьях тоскует,
И молится за них наедине.

Когда Москва вещала нам: «Внимание!
В последний час...» — и, затаив дыханье,
Мы слушали про славные бои
И про героев грозного сраженья, —
Тебя мы вспоминали с уважением,
Седая мать. То — сыновья твои!

Они идут дорогой наступленья
В измученные немцами селенья,
Они освобождают города
И на руки детишек поднимают;
Как сыновей, их бабы обнимают —
Ты можешь, мать, сынами быть горда!

И если иногда ты заскучаешь,
Что писем вот опять не получаешь,
И загрустишь, и дни начнёшь считать,
Душой болеть — опять Илья не пишет,
Молчит Володя, нет вестей от Гриши,
Ты не грусти. Они напишут, мать!

КАЛЁНЫМ ШТЫКОМ

ДЕФЕКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

В 3.15 наступленье
На советское селенье.
Ровно 45 минут
По селенью пушки бьют.
С 4-х и до 5-ти
Итальянцев в бой ввести,
А за ними венгров роту
И румынскую пехоту.
Ровно в 5 село занять,
Флаг империи поднять.
От 5-ти и до 6-ти
О трофеях донести.
От 6-ти и до 7-ми
Встреча с местными людьми
(Всех людей согнать на площадь,
Разговаривать попроще).
Час на отдых для солдат,
В 9 фюреру доклад.

Всё разбито на минуты,
Пунктуально учтено
И проверено, как будто,
И весьма продума... Но —

В 3.15 отступленье
От советского селенья.
Ровно 45 минут
Под селеньем фрицев бьют.
С 4-х и до 5-ти
Всё смешалось на пути:
И румынская пехота,

И побитых венгров рота,
А имперский полк СС, —
Тот на мины сам налез.
В 5 немецкий генерал
Всех штабистов растерял.
От 5-ти и до 6-ти
Он в себя не мог притти.
В 6 от фюрера пакет:
«Почему победы нет?»
От 6-ти и до 7-ми
Встреча с местными людьми —
Генерала в плен всдут,
Люди вслед ему плюют.

Всем хорош устав немецкий,
Всё в приказах учтено,
Чтоб разбить народ советский
Пунктов всех достаточ... Но...

...В колесе немецком палка —
Наша русская смекалка!
И на этом колесе
Немцы будут аккуратно
На Берлин катить обратно,
Но докатятся не все!
Добывай же с бсем славу,
Перед немцем не робей!
Бей по нашему уставу:
Как сподручней, так и бей!

ВСТРЕЧА С ПРЕДКО

Осталось пять минут до смерти,
Трещит под фрицем талый лёд.
В последний раз невесте Берте
Солдат привет прощальный шлёт.

И, в полынье встречая фрица,
Гремя железом ржавых лат,
Встаёт со дна тевтонский рыцарь
И говорит: «Постой, солдат!

Скажи, потомок, неужели
Германцы, родичи мои,
За семь веков не поумнели
И с русскими ведут бои?

Меня на льду славяне били,
Теперь тебя славяне бьют.
Вы что, историю забыли?
Теперь её не признают?»

Был глухо слышен голос фрица,
Уже идущего под лёд:
«Нам у истории учиться
Безумный фюрер не даёт».

ХОРОШАЯ РАБОТА

Немецкий генерал, что проиграл сражение,
Такое дал распоряжение:
«Убитых русскими немецких всех солдат
Похоронить немедленно и в ряд
На площади. Могила близ могилы.
Чтоб это симметрично было
И чтобы тот, кто пал на поле бранном,
Спал под крестом добротным, деревянным».

Разбили кладбище. В нём было сто рядов.
Могила вырыли для вечного покоя.
Но где достать пять тысяч сто крестов?
Легко сказать, количество какое!

Трёх плотников нашли.
Сказали те: «Непрочь
Мы вашей армии помочь.
Любой из нас готов
Почаще бы такую брать работу!
Трудиться будем до седьмого пота
И десять тысяч сделаем крестов!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сталин	3
------------------	---

В том краю, где ты живешь

Быль для детей	4
Карта	9

Г р а н и ц а

Партийный билет	11
В музее С. М. Кирова	12
Красноармеец Петров	14
Три товарища	16
Враг	17
Граница	19

Н а ш и м д е т я м

Наши дети	21
Светлана	23
Мой друг	25
Весёлый турист	27
Хороший человек	29
Про сома	31
Пёс	33
Чудак	35
Мы с приятелем	37
Однa рифма	40
Фсма	42
Всадник	45
Про мимову	47
Если	49
А что у вас?	51
Кораблики	54
Песенка друзей	55

Мой щенок	57
Тревор	59
Бараны	60
Птичий двор	61
Рисунок	62
Поросята	63
Где очки?	65
Андрюшка	67
Дядя Стёпа	68
Происшествие в горах	76
Клопы	78

Мой боец

Десятилетний человек	79
Посылка	81
Почётный пассажир	83
Приезд героя	85
Наш комсомольский билет	87
Истребитель	89
Зенитчики	90
Мужичок с ноготок	91
Ты победишь	94
Мой боец	96
Солдат	98
Откуда ты?	101
Письмо домой	103
Песня Восьмой гвардейской дивизии	104
Мать	106

Калёным штыком

Дефективная стратегия	114
Встреча с предком	116
Урошая работа	117

Редактор *Л. Блаинин*

Подписано к печати 17/III 1944 г. А2699. 3³/₄ печ. лист.
4,66 уч. авт. лист. Зак. 2465. Тираж 50 000. Цена 4 р.
6-я типография ОГИЗ треста „Полиграфкнига“ при СНК РСФСР
Москва, 1-й Самотечный пер., 17